

Ольга Фишман, Наталья Ивановская

Взаимные стереотипы: из опыта международного выставочного проекта

Глаза соседа видят не только различия — они видят в чужом также и то, что может дополнять их знания и опыт, вдохновлять и вызывать восторг.

П.Н. Воре

В июне 2004 г. в Осло и в апреле 2005 г. в Санкт-Петербурге состоялось открытие выставки «Россия — Норвегия. Сквозь века и границы», ставшей итогом многолетнего труда большого коллектива специалистов. По самым скромным подсчетам, в создании концепции выставки, ее обсуждении, доработке в ходе различных встреч, научных семинаров и конференций приняло участие более 200 человек. Этот масштабный проект, инициированный официальным межправительственным договором 1999 г. и приуроченный к 100-летию установления норвежско-российских дипломатических отношений, стал беспрецедентным явлением в истории культурных взаимоотношений России и Норвегии.

Примечателен и тот факт, что реализация проекта впервые за всю историю подобных культурно-исторических выставок была возложена на два старейших в Европе этнографических музея: Российский этнографический музей (Санкт-Петербург) и Норвежский народный музей (Осло), — имеющих длительную историю взаимных контактов [Ивановская 2002: 428–443] и внесших за-

**Ольга Михайловна
Фишман**
Российский этнографический
музей, Санкт-Петербург

**Наталья Ивановна
Ивановская**
Российский этнографический
музей, Санкт-Петербург

метный вклад в сохранение национального культурного наследия и пересмотр устаревающих представлений о взаимоотношениях музея и общества, науки и образования.

Главной целью выставочного проекта было расширение знаний наших народов друг о друге, освещение неизвестных страниц в более чем тысячелетней истории взаимоотношений. Эта формулировка базировалась на реалиях современных отношений наших государств и том факте, что широкие слои населения весьма слабо информированы об их прошлом и настоящем.

Среди основных задач выставки можно выделить следующие:

— преодоление взаимных клише и стереотипов в представлениях друг о друге, в том числе посредством открытого обсуждения наиболее проблематичных сторон;

— новое освещение роли историко-культурного опыта освоения Баренц-региона во всем многообразии социально-экономических, хозяйственно-бытовых и культурных традиций;

— преимущественный показ повседневной жизни и народной культуры, а также взаимных историко-культурных влияний и импульсов в области профессиональной культуры, которые ускользали из поля зрения исследователей в силу слабой, а зачастую односторонней и политизированной оценки.

В связи с поставленными задачами были определены и главные темы выставки:

— археологические и этнографические аспекты истории народов Севера до и после учреждения государственной границы;

— официальные отношения между двумя странами со времен Петра I и до нашего времени;

— развитие культурных и научных контактов между двумя странами;

— особый характер северных районов и его значение для России и Норвегии;

— общая история и культура стран в XIX–XX вв.

Анализ известных и выявленных в течение нескольких лет материалов дал возможность обозначить один из концептуальных подходов. Он был отражен в российском подзаголовке названия — «Сквозь века и границы». Понятие «граница» носило в данном контексте не только прямое, но и расширительное толкование. От конкретности территориальных, административных, государственных, сословных, этнических границ — к условности и проницаемости культурных, конфессиональных, языковых, мифологических и ментальных. Вто-

рой подход был сформулирован как иллюстрация взаимных стереотипов и клише. Третий подход — показ взаимоотношений между странами через судьбы и деятельность великих личностей, внесших значимый вклад в развитие истории наших взаимоотношений, бывших «властителями дум» и сыгравших существенную роль в общеевропейском и мировом духовном процессе XIX–XX вв., а также простых людей: мореплавателей, рыбаков, торговцев, оленеводов и др.

Следует отметить, что концепция выставки — результат дискуссий и состоявшегося в их ходе диалога между специалистами России и Норвегии по осмыслению и непредвзятому анализу современного состояния изучения столь сложной и не всегда адекватно интерпретируемой более чем 1000-летней истории контактов наших народов и государств. В силу этого сама работа по подготовке и созданию выставки во многом способствовала расширению сложившихся и установлению новых профессиональных контактов и, что особенно важно, выявлению и обнаружению новых исторических фактов и документов, их подтверждающих [Грусман, Бюхтен, Бу, Ролл-Хансен, Фишман 2002: 341–346].

Итак, обратимся к опыту международного выставочного проекта в контексте поставленных задач по демонстрации и преодолению взаимных клише и стереотипов в представлениях друг о друге и способов их научного осмысления и визуального отображения.

Известно, что предвзятые представления относительно этнических, общественно-сословных, профессиональных, социальных, возрастных и др. групп существуют в любом социальном сообществе и государстве [Философская энциклопедия 1970: 134; Ядов 1960; Кон 1966; Лурье 1994: 5–23; Многоликая Финляндия 2004; Чернышева 2004¹]. Собственно объектом социальной стереотипизации является любое социальное явление. Особенно яркой эмоциональной окраской и большой временной устойчивостью обладают этнические стереотипы. Будучи реальным психологическим феноменом — одним из компонентов установки восприятия, они отражают культурные различия и предшествующий опыт взаимного общения, особенно если это касается соседних народов, как в нашем случае. Причем чем ближе, длительнее и теснее их контакты, что характерно, например, для истории русско-норвежских отношений на Севере, тем сложнее и многограннее система стереотипов [Хённеланн 2005: 266].

¹ См. рецензию Е.А. Сорокиной на монографию О.В. Чернышевой «Шведы и русские. Образ соседа» // Этнографическое обозрение. 2006. № 1. С. 172–175.

Корни стереотипных представлений норвежцев и русских друг о друге произрастают из опыта длительного и мирного существования на приграничном пространстве. Один из ведущих норвежских историков и авторов выставочного проекта проф. Й.П. Нильсен, рассматривая аспекты самосознания в русско-норвежских отношениях, ссылается на концепцию «формирующего антипода», сформулированную И.Б. Нойманном¹ и развернутую П. Кольтсэ. Под «формирующим антиподом» подразумевается один из близких соседей, необходимость разделения с которым оказывает наиболее сильное влияние на формирование собственного образа [Нильсен 2001: 119]. Вопрос о том, является ли образ России ключевым в формировании национального самосознания норвежцев и «формирующим антиподом», представляется Й.П. Нильсену проблематичным. Он пишет: *«Культурные барьеры между „нами“ и „ими“ уже надежно установились в течение многих веков и выглядят практически непреодолимыми»* [Там же]. На протяжении долгого времени взаимное восприятие наших народов менялось, приобретая в зависимости от объективных причин положительную или негативную окраску. В этой связи следовало бы систематически изучать, как норвежцы и русские воспринимали друг друга, а также проследить динамику этого явления на протяжении истории. Однако подобные исследования, предпринятые на основании таких разнообразных источников, как дипломатические отчеты, мемуарная и художественная литература, рассказы путешественников, газетные и журнальные статьи, а также устная информация, полученная от наших современников и в Интернете, не проводились ни в России, ни в Норвегии. Исключения составляют работы Г. Хённеланна и А.-К. Йоргенсен о современных представлениях норвежцев о русских, осуществленные в ходе оценки ряда проектов в рамках Баренцевой программы [Hønneland, Jørgensen 2002]. Отметим, что интересный сопоставительный материал содержат публикации 1920–1930-х гг. представителей левой норвежской интеллигенции о России и издаваемые на русском языке с конца 1990-х гг. произведения норвежских писателей, в частности запрещенные в СССР мемуары Сигрид Унсет, написанные под впечатлением поездок в нашу страну до войны 1941–1945 гг. [Ермакова 2004: 152–154; Ермакова 2005: 155–160²].

¹ Neuman I. Uses of the Other. «The East» in European Identity Formation. Minneapolis, 1999. Цит. по списку лит.: Россия — Норвегия. Сквозь века и границы / Ред. Д. Бюхтен, Т. Джаксон, Й.П. Нильсен. М., 2004. С. 482.

² См. также статьи в разделе каталога «Норвегия и Россия — плодотворный диалог культур» (Россия — Норвегия. Сквозь века и границы / Ред. Д. Бюхтен, Т. Джаксон, Й.П. Нильсен. М., 2004. С. 101–169).

Для того чтобы лучше понять природу наших взаимных стереотипов, вкратце изложим узловые моменты истории российско-норвежских отношений, т.к. она, с одной стороны, известна лишь небольшому кругу современных специалистов, а с другой — дает ключ к пониманию истоков основных стереотипов.

В статье «Российская историческая наука о Норвегии и норвежская историческая наука о России» известного историка А.С. Кана проанализированы причины существенных различий в содержании и положении всех отраслей исторической науки в наших странах [Кан 2001: 9–18]. В России скандинавистика и норвегистика в частности преимущественно развивались в русле изучения средневековой истории и культуры, которые, будучи достаточно академическими и аполитичными, не вызывали, за исключением некоторых сюжетов (например, норманны в Древней Руси), широкого общественного интереса и политических страстей. Напротив, в Норвегии интерес к российской истории возник в основном в послереволюционное время и постепенно оформился как самостоятельное направление — советология. С периода холодной войны и до сих пор норвежская советология остается одной из ведущих в области зарубежной истории и политологии в стране. При этом российская норвегистика в советское время в своей исторической части была проникнута господствующей тогда марксистско-ленинской идеологией и преодолела ее засилье лишь в наши дни, а в Норвегии изучение российской истории и норвежско-российских взаимоотношений велось с иных идейных позиций, отражающих плюрализм норвежского общества, но «традиционно в военно-стратегической и политической перспективе» [Ротихауг 2001: 183]. Прекращение холодной войны, по мнению норвежских и российских исследователей, плодотворно сотрудничающих с 1990-х гг., несомненно благоприятствует пересмотру устаревших взглядов на исторический процесс в Северной Европе [История Норвегии 1980; Рогинский 2004: 81–87; Российско-норвежские контакты 1996; Советско-норвежские отношения 1997; Россия и Северная Европа 2001 и др.].

Контакты двух соседних государств — России и Норвегии — занимают особенное место в истории российско-скандинавских связей. Прежде всего следует упомянуть об экономических и культурных контактах норвежцев и поморского населения Русского Севера, веками проживавших в сходных природно-географических условиях Норвегии и Кольского полуострова и теснейшим образом соприкасавшихся в своей хозяйственной и повседневной жизни, выработавших для общения своеобразный северный пиджин — *рюссоношк*. Объединяющим

фактором было и остается коренное население Фенноскандии — саамы (лопари), живущие по обе стороны границы. Значительной и яркой страницей общей истории стало героическое освоение в XIX—XX вв. Северного полюса российскими и норвежскими полярными исследователями. В одном ряду стоят имена норвежцев Ф. Нансена, Р. Амундсена и русских С.О. Макарова, Э. Толля, В.А. Русанова — первопроходцев в освоении Арктики [История географических знаний 1973; Гаврило 2004: 76—79].

Теснейшие контакты осуществлялись русскими и норвежскими учеными в области морских исследований, в том числе в бурно развивавшейся тогда в Европе биологической океанографии. С 1903 по 1913 гг. в Бергене работали Международный совет по исследованию морей и Океанографические курсы при Бергенской биологической станции, в деятельности которых принимали участие молодые ученые и студенты из России [Лайус 2005: 88—98].

На протяжении всей истории норвежско-русских отношений между нашими странами осуществлялся плодотворный диалог культур, именно в плоскости русско-норвежских контактов в области литературы, искусства, музыки лежат истоки взаимных симпатий двух народов.

Дружеские отношения связывали двух величайших, глубоко национальных по своему духу композиторов — Э. Грига и П.И. Чайковского. По мнению известного российского исследователя А.И. Климовицкого, в России сложился уникальный культурно-психологический феномен «русский Григ», *«теснейшим образом связанный как с характером гениального дарования композитора, так и с особенностями страны, где его музыка получила мощный резонанс: художник, чье творчество в глазах всего мира стало воплощением духа, народно-национальных идеалов Норвегии, Григ оказался неотделим от культуры и истории России, среди всех европейских стран наиболее остро почувствовавшей и востребовавшей его художественный мир. Поэтому Григ — это еще и великий опыт самопознания и самоопределения русской культуры»* [Климовицкий 2004: 136].

Видимо, не случайно одним из популярнейших в России зарубежных драматургов был Г. Ибсен, отстаивавший в своих произведениях внутреннюю свободу человека, его право на духовный поиск, что было близко и русской интеллигенции. Именно Г. Ибсен в начале XX в., в пору идейных исканий российской интеллигенции, стал выразителем ее настроений, был одним из драматургов, определивших творческое лицо Московского художественного театра [Файнштейн 2004: 148—150].

«Особую известность приобрел Кнут Гамсун, остающийся популярным и в наши дни, и эта слава жива до сих пор, несмотря на его позицию во время войны» [Эгеберг 2004: 104]. Однако Гамсун, по мнению норвежского литературоведа Э. Эгеберга, сам являет собой пример обратного культурного влияния; «именно он, который неохотно признавался в том, что чему-то научился от других, говорил, что в своем творчестве многим обязан Достоевскому, а если прочитать его более внимательно, то можно найти и влияние Толстого» [Там же].

Роман Федора Достоевского «Преступление и наказание» был книгой, которую выдающийся норвежский художник Э. Мунк наряду с Библией и сочинением Ханса Йегера «Из жизни христианской богемы» постоянно возил с собой. Есть основания полагать, что его картины «Крик» и «Вечер на Карл-Юхан» написаны под влиянием романа Достоевского. Как отмечает П.Н. Воге, творчество Ф. Достоевского, так же как и многих других русских писателей, имело решающее значение для «прорыва» модернизма в норвежской литературе [Воге 2004: 281].

История отношений двух народов полна событий, которые формировали положительное восприятие друг друга. Здесь надо вспомнить А.М. Коллонтай, которая своей деятельностью на дипломатическом поприще в Норвегии не только сломала стереотипные представления о себе как о русской ортодоксальной большевичке, но и заслужила всеобщую симпатию норвежской общественности, а также русских послереволюционных эмигрантов, содействовавших дальнейшему знакомству Норвегии с русской культурой. Укреплению положительных стереотипов в восприятии русскими норвежцев способствовала деятельность замечательного ученого Ф. Нансена, который был связан с российскими научными кругами. Он вошел в историю и как величайший гуманист, когда, используя свое влияние на западные общественно-политические круги, дважды пришел на помощь гражданам России. В 1921 г. Ф. Нансен, заняв пост Верховного комиссара Лиги Наций по беженцам, начал выдавать русским эмигрантам — беженцам из России — так называемые «нансеновские паспорта», служившие удостоверением личности для людей без документов. Такая помощь была оказана множеству беженцев, в частности художнику М. Шагалу и композитору И. Стравинскому. Ф. Нансен был также одним из организаторов помощи голодающим Поволжья в 1921 г. [Фогт 2004: 186–187].

Особое место в русско-норвежских отношениях занимают события Второй мировой войны — помощь норвежского населения советским военнопленным, действия партизан Фин-

нмарка (Северная Норвегия), которые боролись с немецкими оккупантами под руководством советского командования, освобождение Северной Норвегии в 1944 г. войсками СССР, участие норвежского флота в знаменитых северных конвоях.

Укреплению добрососедских отношений между двумя странами в 1945–1970 гг. способствовала «конькобежная дипломатия» — партнерство Норвегии и Советского Союза в конькобежном спорте.

Негативные представления друг о друге также коренятся в истории русско-норвежских межгосударственных отношений. Они более присущи норвежцам, нежели русским. В качестве иллюстрации можно вспомнить о роли России в переделе Европы после победы над Наполеоном. В 1814 г. Норвегия, которая с XVI в. находилась под властью датской короны, была при активном участии России присоединена к Швеции. Норвегия, хотя и пыталась оказать сопротивление, провозгласив независимость страны с последующими выборами в Государственное собрание и принятием конституции, не смогла ее сохранить и была вынуждена согласиться на унию двух стран. Однако благодаря российской дипломатии Норвегия смогла сохранить атрибуты суверенитета — название государства («Соединенные королевства Швеции и Норвегии»), флаг, герб, конституцию, парламент, правительство, армию.

Важнейшее значение имела позиция России в положительном решении вопроса о расторжении шведско-норвежской унии в 1905 г. [Признание Россией 1958; Бацис 1973]. Несмотря на это, отношение норвежцев к России было весьма неоднозначным. Как пишет Й.П. Нильсен, *«в норвежской общественной жизни в XIX в. безраздельно господствовали идеи либерализма, и на протяжении первой половины столетия норвежская элита относилась к России сдержанно, если не сказать холодно. В представлении европейцев того времени Российская империя рисовалась новым „варварством“, угрожающим европейской цивилизации. Русское самодержавие изображали как деспотию и главного врага всех либеральных и радикальных сил Европы. Оно являло собой оплот реакции, „жандарма Европы“, стоящего на страже монархического легитимизма и готового вмешаться и подавить прогрессивные движения на западе, где бы они ни возникали»* [Нильсен 2004: 93]. Такой нелестный для нас взгляд на Россию является частью культурных и идеологических установок, в целом присущих европейцам в то время.

В 1890-е гг., когда в Норвегии развернулась активная борьба за расторжение унии, многие норвежцы пересмотрели привычные европейские стереотипы в отношении России. Это было связано с тем, что русский вопрос оказался тесно пере-

плетен с вопросом о судьбе унии. В кругах левой интеллигенции пришли к выводу, что шведы пользовались «русской угрозой» как инструментом для того, чтобы удержать Норвегию в составе унии, и что Швеция-Норвегия должна коренным образом переосмыслить свою политику по отношению к России. В это время Норвегия стала воспринимать Россию более реалистично. 29 октября 1905 г. Россия первой среди европейских держав признала новую Норвегию «*во всей ее территориальной целостности*».

В послереволюционный период советско-норвежские межгосударственные отношения, особенно во время холодной войны, носили противоречивый характер, что способствовало возникновению негативных, идеологически детерминированных стереотипов, доживших до наших дней [Ермакова 2005: 155–160].

В 90-е гг. XX в. отношения между Норвегией и Россией кардинально изменились. Пограничные районы превратились в сферу широкого экономического и политического сотрудничества двух стран в рамках Евро-Арктического Баренцева региона, объединяющего северные районы Норвегии, Швеции, Финляндии и Северо-Запада России. Как справедливо отметил Гейр Хённеланн, «*норвежцы и русские в большей степени, чем кто-либо другой, являются добрыми соседями на Севере. И, конечно же, мы сейчас — гораздо лучшие соседи, чем были раньше. <...> Человеческие контакты между нашими странами способствуют управлению нашими общими ресурсами, решению проблем, связанных с охраной окружающей среды, и постоянному пересмотру старых и новых стереотипов*» [Хённеланн 2004: 266].

Под влиянием всех этих факторов и сложилось современное взаимовосприятие норвежцев и россиян.

Работа над двусторонним выставочным проектом группы специалистов показала, что, несмотря на произошедшие сдвиги в оценке истории взаимоотношений России и Норвегии на личностном уровне, стереотипы самих исследователей отнюдь не всегда отличаются от прежних и демонстрируют тем самым глубокий консерватизм этнического/национального самосознания.

Учитывая сказанное, как и то, что взгляд на определенные исторические события и факты в Норвегии и России различен, мы еще в процессе подготовки выставки договорились о том, что тематические планы могут быть различными в рамках принятой концепции, а для иллюстрации обеих точек зрения при экспонировании в Осло и Петербурге будут использованы

параллельные тексты с различными толкованиями. Это было осуществлено только на выставке в России, т.к. наряду с текстами на русском языке посетители в ряде выставочных разделов могли прочесть с иным содержанием и акцентами норвежские — на английском языке. Подобный прием был также впервые использован в практике международных выставок. Нам представлялось, что это могло дать возможность задуматься о природе собственных предубеждений. Записи в книге отзывов показали, что это насторожило отечественных посетителей, владеющих английским языком, и понравилось норвежцам, посетившим выставку в Петербурге.

Но главными материалами, иллюстрирующими стереотипы на выставке в России, стали специальные видеоинтервью, снятые в Осло и Москве, рисунки петербургских детей о Норвегии, текстовые материалы, содержащие перечни взаимных характеристик, как, впрочем, и сама структура выставки в целом. В норвежском же варианте эта тема не получилась столь значимой и ограничилась демонстрацией видеоинтервью и портретами наших современников (13 персон) — от М.С. Горбачева и Ойвинда Нордслеттена (посол королевства Норвегии в РФ) до русской женщины, живущей в Норвегии, рассказывающих о своем опыте общения и восприятия чужой страны, культуры и людей.

Во время различных встреч координаторов и экспертов обсуждался вопрос и о том, что могут ожидать от выставки норвежская и российская аудитории в историко-культурном и визуальном плане. В совместной работе над проектом в полной мере отразились различные школы и опыт музейного и выставочного дела. При экспонировании в Петербурге преобладали подлинники (на 300 больше, чем в Осло), в Норвегии — плоскостной копийный материал и мультимедийные способы подачи. В этом сказались в том числе и несколько отличные культуры зрительского восприятия в наших странах. Мы делали акцент на презентацию образа Норвегии в России, они — на показ событий XX в.

И вот, что хотелось бы вновь подчеркнуть: имея намерение продемонстрировать стереотипы, мы оказались перед фактом их чрезвычайной устойчивости у самих разработчиков. Зачастую это мешало пониманию друг друга, что в целом преодолевалось в рамках небольшого коллектива и при общем более чем доброжелательном отношении, царившем в экспертных группах. Но поставив задачу преодоления стереотипов, мы в большей мере ее продекларировали, чем воплотили. Поясним на примерах.

Наше обыденное представление о норвежцах: викинги, полярные исследователи, путешественники, лыжники, в целом спортивная нация, ценящая здоровый образ жизни, ратующая за сохранение экологии. В Норвегии перечисленное воспринимается иначе. Это неотъемлемая, хрестоматийная для каждого норвежца часть истории, культуры, обыденной жизни, иллюстрировать которую еще раз на нашей выставке в Осло не представлялось для них столь уж важным.

Российский же зритель вряд ли понял бы отсутствие на выставке материалов и памятников, повествующих о славных викингах и конунгах, многие из которых не только ходили на Русь военными походами, но и подолгу живали здесь, женились на княжеских дочерях, принимали святое крещение. Мы не могли не сделать на выставке акцента на ряде символических личностей современности. Одним из них был, безусловно, Тур Хейердал, олицетворявший собой страсть к путешествиям и безумным идеям, что оценивается как очень привлекательная и близкая нам сторона национального норвежского характера. Его персона стала символом свободного образа жизни, посланника и человека мира. Известно, что его образ в России не совпадает с существующим у норвежцев.

Норвежцы гордятся собственной литературой. Но наши молодые партнеры, и это очень показательно, искренне удивлялись нашему незнанию имен современных норвежских писателей. Тем более важным представлялось показать на выставке деятельность издательства «Норла». Оно создано специально для продвижения на иностранных книжных рынках произведений современных норвежских авторов.

Коллеги постоянно напоминали нам об основных различиях между нашими странами. Так как Россия — огромная держава, а Норвегия — маленькое государство, Россия всегда значила больше для Норвегии, чем наоборот. Показательно, что первый вариант названия выставки, предложенный норвежцами, — «Маленькая Норвегия и большой русский медведь».

Несмотря на то, что Россия в Норвегии воспринимается как далекая и экзотическая страна, наша история и культура всегда накладывали особый отпечаток на Норвегию. Большая и могущественная империя оказывала огромное влияние на норвежскую государственную политику, как в союзе с Данией, Швецией, так и в качестве самостоятельного государства. Особенно сильное влияние России прослеживается на протяжении XX в. в развитии рабочего движения Норвегии, формировании радикальных политических движений. Именно поэтому в норвежском варианте выставки акценты были сделаны на истории революции и советского строительства, холодной

войне, что с нашей точки зрения делало выставку более политизированной и выглядело как способ пересмотра старых восприятий с позиции современности и желание избавиться от традиционных установок в оценке прошлого. Неизбывный страх в период холодной войны перед непредсказуемым восточным соседом существовал, думается, дольше всего у норвежского истеблишмента, но не у обычных граждан (особенно на севере страны), которые были знакомы с русскими не понаслышке. Они знали русских военнопленных и русских солдат-освободителей, благодарную память о которых многие сохраняют до сих пор. Но так как отголоски этого страха имеют место и по сей день, норвежские устроители выставки сделали упор на иллюстрации самых различных событий того периода в самой Норвегии, а также на проблемах современной экологии. Последнее связано с вероятностью экологических катастроф, спровоцированных Россией.

Посему посетители выставки в Осло и Петербурге увидели отнюдь не зеркальное отражение истории наших контактов; они были поданы через призму существующих и поныне глубоко укорененных и типизированных представлений друг о друге. В результате мы смогли взглянуть на себя со стороны, почувствовать, что за этими представлениями стоят долгие годы незнания и отсутствия интереса — с нашей стороны, «страха, ожидания» и избегания — с норвежской стороны [Страх и ожидания 1997].

Отчасти различные стереотипы восприятия и оценки истории наших контактов нашли отражение не только в упомянутых выставочных текстах, но и в статьях каталога. Редколлегия вынуждена была жестко придерживаться принципа авторского права, и если мнения об одних и тех же событиях, фактах, персонах были различны, то эти различные позиции иллюстрировались статьями разных авторов. Ярким примером толерантности редколлегии и разности авторских позиций является изложение истории освоения Шпицбергена российским ученым В.Ф. Старковым и норвежским Т. Хультгреном. Первый утверждает, что начало хозяйственного освоения архипелага Шпицберген относится к середине XVI столетия, до «официального» открытия архипелага голландцем В. Баренцем в 1596 г., и связано с промысловой деятельностью на его берегах жителей русского Севера — поморов. Об этом, по его мнению, свидетельствует археологический материал из наиболее ранних поселений русских охотников на Шпицбергене. Датировка В.Ф. Старкова базируется на методе дендрохронологического анализа строительной древесины [Старков 2004: 49–51]. Его норвежская коллега считает, что для строительства промысловых домов в более позднее время использовались старая

корабельная обшивка, плавник и другая бывшая в употреблении древесина. По ее мнению, главным доводом против теории В.Ф. Старкова служит то, что подданные других государств, посещавшие архипелаг в XVIII в., не отмечали присутствия там русских промысловиков, а также их жилищ. Русские источники также не зафиксировали предлагаемую В.Ф. Старковым дату появления на островах русских поморов, а древнейшее упоминание о русском промысле на архипелаге относится к 1710 г. [Хультгрэн 2004: 52–54]. На наш взгляд, обе точки зрения не являются бесспорными, но эта полемика на страницах одного издания, несомненно, отражает многовековую конкуренцию двух соседних стран в освоении территорий.

При подготовке выставки «Россия — Норвегия: сквозь века и границы» появилась возможность не только репрезентировать, но и проанализировать стереотипные представления друг о друге разных социальных групп России и Норвегии. Для этого были использованы:

- интервью норвежских и российских граждан, условно говоря, «людей с улицы», представленные в кратком видеофильме, снятом для демонстрации на выставке;
- мнения посетителей выставки — российских граждан, зафиксированные в книге отзывов;
- отзывы о выставке в норвежских и российских СМИ.

Предварительный анализ стереотипных представлений двух первых категорий респондентов свидетельствует о том, что они содержат устойчивые оценки природно-географического, этносоциально-культурного и политического характера «чужого».

Из русских интервью вырисовывается нейтральный, в целом положительный образ рассматриваемых издалека, с территории огромного государства, не очень большой страны и ее народа. Это и традиционные представления, вынесенные русскими из многовековой истории хозяйственно-экономических отношений с норвежцами (чистая вода; горы; много оленей; рыба; семга; селедка, хорошие рыбные консервы; нефть), и эмоциональная оценка норвежского национального характера, основанная на длительных личных контактах двух народов (очень экономные, спокойные, скучные, уравновешенные, замкнутые, мужественные, ловят рыбу, помешаны на спорте и культуре тела). Русские, в истории которых значительное место занимают события Великой Отечественной войны, с удовлетворением отмечают, что норвежцы хранят благодарную память об освободителях своей родины от нацистской оккупации («у них там даже ухаживают за могилами наших соотечественников»),

хорошо относятся к русским. Представления респондентов об истории и культуре Норвегии ограничиваются перечислением имен известных путешественников — Т. Хейердала, Р. Амундсена, Ф. Нансена. Наши соотечественники, обостренно воспринимающие реалии современной жизни, обращают внимание на высокий уровень жизни в Норвегии, справедливое распределение национального дохода. Создается впечатление, что в сознании наших сограждан существует образ Норвегии как «идеальной страны» — тщательно оберегаемая природа, чистая вода, социальное равенство¹. Примерно такой же набор стереотипов отражен в представленных на выставке рисунках русских детей — корабли, викинги, олени, тролли, иллюстрирующие некую нереальную сказочную страну.

У норвежцев о русских сложился более емкий и многозначный образ, основанный на исторической и современной оценке СССР и РФ. Первая из них сформировала стереотипы, отражающие традиционные представления европейца о России как далекой, холодной, огромной и не совсем понятной стране (меха, меховые шапки; зима, холод; нефть; большой народ, гордый соседний народ, «кичливые большие женщины и мужчины», недоступный язык; самая большая страна в мире, «находится и в Европе, и в Азии, и граничит с Америкой», неиспользованные ресурсы, огромная Сибирь, водка). Норвежцы проявили более глубокие познания в области русской культуры, нежели русские в норвежской, упомянув огромные культурные ценности, сосредоточенные в музеях, богатую народную культуру, народную музыку, Достоевского, Москву и Красную площадь, Петербург и Эрмитаж. Норвежцы по-прежнему полагают, что русские — читающая нация: *«Даже в метро они читают „тяжелую литературу“ — Толстого, Достоевского».*

Новую для нас точку зрения высказывает Генеральный консул Норвегии в Петербурге г. Отто Мамелунд: *«Русский человек, которого встретишь сегодня в Норвегии, это достаточно благополучный в экономическом смысле человек, который готов оставить много денег, который арендует хутор близ реки, где рыбалка и так далее».*

Негативные представления норвежцев о русских касаются не столько национального характера, сколько государственной политики современной России, при этом очевидна, в отличие от русских, большая осведомленность и заинтересованность в этой сфере. Приведем перечень стереотипов: Советский Союз, коммунизм, Сталин, ГУЛАГ, государственная, политическая,

¹ Заметим, что эти стереотипы почти полностью совпадают с впечатлениями от пребывания в Норвегии, изложенными в книге: [Будур 2005].

экономическая нестабильность; мошенники, «турбокапиталисты», мафия, коррупция. В дополнение приведем высказывание одного из респондентов: *«Это нестабильное государство, политически нестабильное, экономически нестабильное. Социально нестабильное»*. Несомненно, мы наблюдаем определенную асимметрию во взаимном восприятии двух соседствующих народов: русские очень благожелательно относятся к своему северному соседу, а норвежцы отнюдь не отвечают им взаимностью, прагматично оценивая все плюсы и минусы русских, отчасти под влиянием официальной пропаганды времен холодной войны.

Один из российских посетителей выставки с грустью пишет в книге отзыв: *«Обидно слушать высказывания в адрес нашей страны, но <...> действительность многое подтверждает из сказанного. Все же сытым и благополучным гражданам Норвегии надо бы больше знать о России. Хорошо, что не сказали, что по улицам ходят медведи»*.

Известно, что в повседневном межэтническом взаимодействии люди используют стереотипные представления о том или ином народе, зачастую в целях так называемой «экономии мышления» [Новикова 2005: 113], но не только.

Особенностью стереотипного восприятия является то, что отправной точкой в описании чужой культуры является система собственных морально-этических ценностей, поэтому, говоря о русских и о России, норвежцы обнаруживают свои национально-характерные черты. Наши примеры фиксируют типичную для западного человека приверженность традициям личной свободы, неприятие произвола, нарушений демократии и закона, порядка, нетерпимость к коррупции, воровству, пьянству.

Что думают русские о Норвегии, согласно книге отзывов? Прежде всего, подчеркнем тот факт, что выставку посетило много заинтересованных и грамотных зрителей. Это те, кто был в Норвегии и очарован этой страной, а также те, кто получил дополнительный толчок в желании увидеть все самим. *«Я узнала столько нового, впечатляющего! Хочется поехать в Норвегию»*. *«Спасибо за организацию интересной выставки, расширяющей наши представления о соседе. Теперь интересно посмотреть на все собственными глазами»*.

Просматривается установка на доброжелательное соседство и приобретение знаний. *«Спасибо организаторам выставки! Она очень познавательна даже для знакомого со страной, ее культурой и историей посетителя. <...> Наверное, такие выставки сближают наши народы. Жаль, что такие выставки довольно редки»; «Выставка стала настоящим открытием для нас. Пре-*

красный фильм о жизни Норвегии. <...> Много положительных эмоций». «Давно в нашем городе не было такой доброй, дружественной выставки. Все сделано с любовью, грамотно. Отражены стороны наших отношений с Норвегией. Уходя с выставки, много узнала нового (сама историк). Спасибо вам, и работники музея, и добрые друзья — норвежцы. Пусть и дальше наши отношения крепнут и будут дружескими, взаимовыгодными». «Благодарим за очень познавательную выставку и очень грустно, что так мало мы знаем наших соседей. Удивительно и любопытно все, что мы здесь увидели».

В числе посетителей было немало тех, кто связан с Норвегией лично-исторически: потомки норвежцев и поморов, школьники и студенты, изучающие норвежский язык и историю, участники Великой Отечественной войны, освобождавшие Северную Норвегию, полярники. «Спасибо за то, что я поняла — откуда у меня такой сильный характер! <...> Я счастлива, что происхожу из семьи поморов. Как много открывают такие выставки в обыденном, как много дают для будущего!». «Рада, что посетила эту значительную — замечательную выставку. Большое спасибо. Люблю Норвегию, ее замечательную природу. Родственник мой Александр Кучин жил и плавал с Амундсеном и Нансеном». «Мне очень близко все увиденное, т.к. я родилась и выросла на русском Севере, в городе Онега <...> До сих пор жители говорят так: „Онемжане (т.е. жители Онеги) — те же норвежане, только выговор (т.е. язык) не тот“. <...> И еще поморы говорили: „Ходили в Норвегу“». «Спасибо за прекрасную выставку! Мне она была особенно интересна. Я родилась в России в 1953 году. Мой дедушка (отец матери) был норвежец». «Очень интересно. Давно ждал такой выставки. Много нового о военных годах. Спасибо!».

Из характера отзывов очевидны ожидания посетителей услышать и увидеть положительную оценку наших прошлых и современных отношений, получить положительные знания и эмоции. Поэтому они содержат прежде всего слова благодарности. «Спасибо за то, что сохранили историю дружбы на всем протяжении и не исключили Советский период».

Многие сами формулируют тиражированные знания о Норвегии с сожалением: «Что мы знаем о Норвегии сегодня? Григ, Кнут Гамсун и норвежская селедка. Надо чаще устраивать такие выставки и фестивали культуры». «Наше поколение (мы 1931 г.р.) очень мало знает о соседней стране. Мы знаем название „Осло“, фамилии „Хейердал“, „Нансен“, „Амундсен“, „Григ“ и официальную информацию (кто читает газеты)». «С детства знакомы имена легендарных исследователей Нансена, Амундсена, Хейердала».

Отличие второй группы респондентов от первой (запечатленной как видеосъемка) заключается в том, что выставка не только подтвердила существующие у посетителей стереотипы, но и некоторым образом изменила их, предоставив дополнительную информацию об истории и культуре Норвегии. *«Я узнала столько нового, впечатляющего!»*. *«Спасибо за организацию интересной выставки, расширяющей наши представления о соседях»*. *«Много нового и интересного узнала из истории наших стран»*. *«Нам есть чему поучиться у норвежцев»*. *«Норвегия открылась для меня с новой стороны. Ее история и культура впечатляют»*.

К последней группе материалов, отражающих стереотипные представления друг о друге, относятся отзывы о выставке в норвежских и российских СМИ. Они отразили официальную точку зрения на историю российско-норвежских отношений и практически не несут в себе личного взгляда авторов публикаций и интервью на эту проблему.

Из текстов выступлений на официальных открытиях в Осло и Санкт-Петербурге были выбраны такие темы, которые отвечали политической ангажированности того или иного СМИ. Об этом свидетельствуют заголовки публикаций: *«Петербург и Норвегия будут развивать сотрудничество»*; *«Лавров: Россия и Норвегия против попыток переосмыслить историю»*; *«Лавров считает решенной проблему Шпицбергена»* и т.п. *«Независимая газета»* (18 апреля 2005 г.) приводит слова губернатора Санкт-Петербурга В.И. Матвиенко на открытии выставки о том, что она была организована к 60-летию Победы над фашизмом и значительная часть ее экспонатов посвящена операции советских войск по освобождению Северной Норвегии от фашистских захватчиков. Между тем военная тема была лишь одной из многих представленных на экспозиции.

Обратимся к стереотипным представлениям о норвежцах в российской прессе. В качестве примера сошлемся на публикацию Елены Титаренко в газете *«Культура»* (10–16 июня 2005 г.). *«Итак, что знаем мы о Норвегии — стране фьордов, рыбаков и китобоев? Спорная „норманнская теория“, согласно которой „варяги Русь спасли“, и Нобелевская премия мира, вручаемая в ратуше Осло; Кнут Гамсун и „Песня Сольвейг“; ладьи викингов и „Кон-Тики“ Тура Хейердала; Фритъоф Хансен, на своем „Фрамме“ совершивший полярное путешествие, но в историю вошедший благодаря помощи эмигрантам, ибо выдал беженцам из Советской России паспорта, многими хранимые до наших дней, и борьбе с голодом в Поволжье... Мало кто вспомнит о „конькобежной дипломатии“ или о том, что в 50-е годы норвежцы охотно покупали машину „Победа“, ныне ставшую экспонатом наравне*

с коньками „норвегами“». Заметим, что приведенный перечень явно почерпнут из материалов выставки и не является оригинальным.

Примером современного профессионального клише является неприличное ерничество Анны Толстовой — журналистки газеты «Коммерсантъ», назвавшей статью о выставке «Варяги и греки — братья навек» (8 апреля 2005 г.). Критикуя содержание выставки, она ассоциирует имя А.М. Коллонтай только лишь с пресловутой теорией «стакана воды», что в определенных кругах также стало своего рода стереотипом, однако не имеющим никакого отношения к российско-норвежскому сотрудничеству.

Но были и такие оценки в прессе, которые коррелируют с отзывами рядовых посетителей выставки. Сошлемся на мнение уже цитировавшейся выше обозревательницы газеты «Культура»: *«Это не первая выставка из разряда „дипломатических“, или (модный термин) бинарных, под высоким патронатом. <...> Отлично, что <...> выставка не превратилась в нечто тяжеловесное, патетическое и скучное. Напротив, здесь отчетливо видна тенденция „human touch“. Иными словами, главным стало не государственное, а человеческое измерение <...> Устроители не задалась целью дать широкую картину жизни обеих стран на протяжении тысячелетий, а сосредоточились на узловых моментах их общей истории, а главное, на конкретных людях, оказавшихся на исторических перекрестках — там, где произошло „судьбы скрещенье“. Тем не менее затронуто так много пластов действительности, так много уровней, на которых общение шло, что панорама возникла как бы сама собой, позволяя зримо воспринять то, что называется „исторический прогресс“».*

Норвежские журналисты также отразили официальную точку зрения, проявив более значительную историческую осведомленность и профессиональную добросовестность. Все ведущие центральные газеты и СМИ различных коммун, особенно на Севере Норвегии, перепечатали информацию и некоторое число обзорных статей. В них, в частности, выражалось сожаление о том, что жители Севера не увидят выставки, а они больше, чем население остальной страны, знают о русских, связаны современными контактами с Россией, помнят о войне и чтят память погибших в концентрационных лагерях советских военнопленных и тех, кто освобождал Киркенес в 1944 г.

Норвежская пресса традиционно оказалась и более политизированной, чем российская¹. В частности, один из журналис-

¹ Об истории вопроса см.: [Эгге-Ниссен 2004].

тов, излагая свои впечатления о выставке в Осло, пишет, что *«на выставке есть портрет Андрея Сахарова, присутствует также несколько биографических справок, но он не упомянут ни в одной тематической статье [каталога. — О.Ф., Н.И.]. Роль Александра Солженицына вообще не упомянута на выставке, а в каталоге присутствует только его имя. А между тем два этих человека в течение двух десятилетий были центральными фигурами в норвежских дебатах о советском обществе»*. Заметим, что эти знаковые для конца XX в. личности популярны за рубежом как символы сопротивления тоталитаризму, но с сожалением признаем, что при всех своих заслугах они отнюдь не являются «властителями дум» в современной России. Кроме того, подчеркнем, что главным в контексте выставки была демонстрация личности А.Д. Сахарова как лауреата Нобелевской премии мира.

Таким образом, газетные отзывы отражают не только разницу в профессиональном уровне российских и норвежских журналистов, но и разные подходы к одним и тем же внутри- и внешнеполитическим проблемам на государственном уровне.

Именно журналисты, более чем другие социально-профессиональные группы общества подверженные политической конъюнктуре, отразили приверженность многим стереотипам времен холодной войны. Так, у ряда норвежских СМИ присутствует тенденция использовать факты временного переселения в Норвегию студентов и специалистов из России, браков русских женщин с норвежцами (что характерно для Северной Норвегии) в русле идеологического клише — «русские идут», что расширяет традиционный круг негативных представлений о соседе.

В заключение отметим, что наша попытка решить выставочными средствами такую сложную задачу, как демонстрация и преодоление взаимных стереотипов, оказалась весьма сложной и по-разному решаемой в концептуальном и визуальном планах ввиду весьма серьезных историко-культурных различий между Норвегией и Россией. Однако авторы выставочного проекта пришли к соглашению, что опыт совместной работы, как и полученный в ходе ее материал, внесли определенный вклад в изучение природы и состояния взаимных стереотипов у современных норвежцев и русских и хотя бы в самых общих чертах приблизили к более глубокому пониманию этого сложного вопроса.

Библиография

- Бацис П.Э.* Русско-норвежские отношения в 1905–1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973.
- Будур Н.* Эти странные норвежцы. М., 2005.
- Воге П.Н.* Взгляд со стороны // Россия — Норвегия. Сквозь века и границы / Ред. Д. Бюхтен, Т. Джаксон, Й.П. Нильсен. М., 2004. С. 280–281.
- Гаврило М.* Полярный круг — экспедиции и открытия // Россия — Норвегия. Сквозь века и границы / Ред. Д. Бюхтен, Т. Джаксон, Й.П. Нильсен. М., 2004. С. 76–79.
- Грусман В.М., Бюхтен Д., Бу Л.Х., Ролл-Хансен Д., Фишман О.М.* Концепция международной выставки «Норвегия — Россия. Сквозь века и границы» // Музей. Традиции. Этничность. XX–XXI вв.: Мат. межд. науч. конф., посв. 100-летию РЭМ. СПб.; Кишинев, 2002. С. 341–346.
- Ермакова О.С.* Новелла Дага Сульстада «Москва». Представления норвежцев о русских в конце 60-х гг. // Скандинавские чтения 2005 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты / Отв. ред. Б.С. Жаров, Т.А. Шрадер. СПб., 2005. С. 155–160.
- Ивановская Н.И.* Музеи Норвегии и России: опыт и перспективы взаимодействия // Скандинавские чтения 2000 года / Отв. ред. А.С. Мьльников, Т.А. Шрадер. СПб., 2002. С. 428–443.
- История Норвегии* / Отв. ред. А.С. Кан. М., 1980.
- История географических знаний и открытий на севере Европы: Сб. ст.* / Отв. ред. И.П. Шаскольский. Л., 1973.
- Кан А.* Российская историческая наука о Норвегии и норвежская историческая наука о России // Norge og Russland. Норвегия и Россия 2004/2005: Мат. историко-археолог. семинара в Санкт-Петербурге 26–28 апреля 1999 г. / Ред. коллегия: Ингунн Рутихауг, Светлана Хоркина. Осло, 2001. С. 9–18.
- Климовицкий А.И.* Русский Григ // Россия — Норвегия. Сквозь века и границы / Ред. Д. Бюхтен, Т. Джаксон, Й.П. Нильсен. М., 2004. С. 136.
- Кон И.* Психология предрассудка // Новый мир. 1966. № 9. С. 187–205.
- Лайус Ю.А.* Контакты русских и норвежских ученых в области морских исследований в начале XX в. // Скандинавские чтения 2005 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты / Отв. ред. Б.С. Жаров, Т.А. Шрадер. СПб., 2005. С. 88–98.
- Лурье С.* Метаморфозы традиционного сознания. СПб., 1994.
- Многоликая Финляндия.* Образ Финляндии и финнов в России: Сб. ст. / Под науч. ред. А.Н. Цамутали, О.П. Илюха, Г.М. Коваленко. Новгород, 2004.
- Нильсен Й.П.* Образ России в Норвегии времени шведско-норвежской унии // Россия — Норвегия. Сквозь века и границы / Ред. Д. Бюхтен, Т. Джаксон, Й.П. Нильсен. М., 2004. С. 93–96.

- Нильсен Й.П.* «Россия и Норвегия» — физические и символические границы. Наброски нового Норвежско-русского исследовательского проекта // *Norge og Russland. Норвегия и Россия 2004/2005: Мат. историко-археолог. семинара в Санкт-Петербурге 26–28 апреля 1999 г.* / Ред. коллегия: Ингунн Рутихауг, Светлана Хоркина. Осло, 2001. С. 118–121.
- Новикова И.Н.* Немецкое общественное мнение о Норвегии // *Скандинавские чтения 2005 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты* / Отв. ред. Б.С. Жаров, Т.А. Шрадер. СПб., 2005. С. 107–114.
- Признание Россией норвежского независимого государства: Сб. док.* / Сост. В.В. Похлебкин. М., 1958.
- Рогинский В.* Норвегия и Россия в XVIII — начале XX века // *Россия — Норвегия. Сквозь века и границы* / Ред. Д. Бюхтен, Т. Джаксон, Й.П. Нильсен. М., 2004. С. 81–87.
- Российско-норвежские контакты. Взгляд из Петербурга* / Сост. и ред. М.Л. Алёкшина. СПб., 1996.
- Россия и Северная Европа. К итогам XIV конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии.* Архангельск; М., 2001.
- Рутихауг И.* Норвежско-советское сотрудничество в области культуры // *Norge og Russland. Норвегия и Россия 2004/2005: Мат. историко-археолог. семинара в Санкт-Петербурге 26–28 апреля 1999 г.* / Ред. коллегия: Ингунн Рутихауг, Светлана Хоркина. Осло, 2001. С. 183–187.
- Советско-норвежские отношения. 1917–1955: Сб. док.* / Под ред. А.А. Комарова, М.Л. Коробочкина, С.Г. Хольтсмарка и др. М., 1997.
- Старков В.* Свальбард. Грумант. Шпицберген // *Россия — Норвегия. Сквозь века и границы* / Ред. Д. Бюхтен, Т. Джаксон, Й.П. Нильсен. М., 2004. С. 49–51.
- Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке* / Под ред. В.И. Голдина, Й.П. Нильсена. Архангельск, 1997.
- Файнштейн М.* Норвежская литература в России в конце XIX–XX века // *Россия — Норвегия. Сквозь века и границы* / Ред. Д. Бюхтен, Т. Джаксон, Й.П. Нильсен. М., 2004. С. 148–150.
- Философская энциклопедия* / Гл. ред. Ф.В. Константинов. М., 1970. Т. 5.
- Фогт К.Э.* Фритъоф Нансен и Россия. Гуманитарная работа // *Россия — Норвегия. Сквозь века и границы* / Ред. Д. Бюхтен, Т. Джаксон, Й.П. Нильсен. М., 2004. С. 186–187.
- Хённелланн Г.* Баренцево сотрудничество новые надежды и новые стереотипы // *Россия — Норвегия. Сквозь века и границы* / Ред. Д. Бюхтен, Т. Джаксон, Й.П. Нильсен. М., 2004. С. 261–266.
- Хультгрэн Т.* Русские и норвежские промысловики на Шпицбергене в XVIII — первой половине XIX в. // *Россия — Норвегия. Сквозь века и границы* / Ред. Д. Бюхтен, Т. Джаксон, Й.П. Нильсен. М., 2004. С. 52–54.

- Чернышева О.В.* Шведы и русские. Образ соседа. М., 2004.
- Эгеберг Э.* Норвегия и Россия — плодотворный диалог культур // Россия — Норвегия. Сквозь века и границы / Ред. Д. Бюхтен, Т. Джаксон, Й.П. Нильсен. М., 2004. С. 101–107.
- Эгде-Ниссен Ф.* Еще одна арена политической пропаганды: Рецензии в газетах «Friheten» и «Morgenbladet» в 1945–1953 годах // Россия — Норвегия. Сквозь века и границы / Ред. Д. Бюхтен, Т. Джаксон, Й.П. Нильсен. М., 2004. С. 216–217.
- Ядов В.А.* К вопросу о «стереотипизации» в социологии // Философские науки. 1960. № 2. С. 47–58.
- Hunneland G., Jurgensen A.K.* Vert bilde av russerne. 25 debattning om samarbeidet i nord. Kristiansand, 2002.

Приложение

Выдержки из Книги отзывов посетителей выставки «Россия — Норвегия. Сквозь века и границы»

5.05.05

На отлично спланированной и продуманной выставке побывала уже не раз и приводила своих друзей расширить представления о давних связях наших стран в областях науки, искусства, религии.

Со школьных уроков географии запала мысль о таинственных фьордах, но лишь на пенсии (была не выездной) при первой же возможности побывала в двухнедельном туре в р-не Осло и Согнефьорд.

Неправдоподобная чарующая красота этих мест так ошеломила, что после этого никуда уже съездить не тянет.

Для нас норвежцы как инопланетяне с их среднемесячным доходом 5 тыс. евро, но тем не менее путевки в Норвегию так дороги, что второй раз побывать там даже при огромном желании — недоступная роскошь для людей, имеющих «прожиточный минимум».

И так жаль, что соседняя Норвегия такая закрытая страна и о современном искусстве, литературе, быте доходят лишь краткие сведения.

Хотелось бы пожелать расширить в дальнейшем круг общения и показать нам фольклорные ансамбли южных и западных областей, кинофильмы, привезти художественные выставки.

Вечная слава русским воинам, оставившим свои жизни на норвежской земле, и огромная благодарность норвежцам, помогавшим при спасательных работах на «Курске».

Примите в знак уважения мои стихи.

Вводный раздел выставки «Россия — Норвегия. Сквозь века и границы». На первом плане — бюсты российского императора Николая II и короля Норвегии Хокона VII на фоне государственных флагов.
(Из частного собрания)

Скульптура. Святой Олав. Германия, Любек. 1470.
Первый норвежский святой, Олав Харальдссон или «вечный король» считается небесным покровителем Норвегии. Известно, что он, будучи в изгнании, некоторое время жил в Новгороде, где принял святое крещение.
Норвежский университет технических и естественных наук, Музей наук.
(Из частного собрания)

Роар Хаген. Карикатура из норвежской газеты «Verdens gang».
«Угроза? Какая угроза?». 1986 г. *(Из частного собрания)*

Норвегия

Я прикоснулась к красоте
Природы первозданной,
Я ощутила жизни пульс
Земли обетованной.

От Каупанга пролегал
Путь «из варягов в греки»,
Свой след в истории Руси
Оставивши навеки.

С отвагой викингов в сердцах
Отсюда в шторм и хлад
Уйдут Фритьоф и Амундсен
И Полюс покорят.

Здесь жили Григ и Хейердал,
И, как в прекрасный сон,
Здесь романтический Гамсун
В природу был влюблен:

В края лесистых диких скал,
Где троллей хороводы,
Где потрясающей красотой
Заманивают фьорды,

В края, где вечные снега
И водопадов звон
И где вершины ледников
Сверкают белизной,

И где природе вопреки
Протянуты тоннели,
А в чистых струях родников
Плескаются форели.

Я посетила край, где Хьёлъ,
Постигнув труд хусманов,
И быт, и душу хуторов
Переложил в романы.

И вознеслась душа моя
В страну людей счастливых,
Где Один-бог распределил
Богатство справедливо:

Фонтаны нефти, и Гольфстрим,
И ток от горных рек —
Дары природы, чтобы жил
Достоинно человек.

Я билась мухой о стекло
В попытках бесполезных,
К свободе вырваться стремясь
Из быта рамок тесных.

И вот, все силы исчерпав,
Живу в изнеможенье.
В душе осталась мечта
И... ужас пробужденья.

СПб — Осло. Июль 2005 г.
Каменская Маргарита Игоревна.

17.04.05

Выставка сделана очень грамотно. Особенно впечатляют первые залы — древние саамы — предки норвежцев, их одежда, бытовые предметы и старинные рукописи.

Что мы знаем о Норвегии сегодня? Григ, Кнут Гамсун и норвежская селедка.

Надо чаще устраивать такие выставки и фестивали культуры.

[Подпись не разборчива]

20.05.05

Отличная выставка!

Я влюбился в Норвегию, надо туда съездить отдохнуть. Еще люблю рыбу, а там ее много.

Суханов Александр. Н. Новгород.

9.06.05

Да мы вообще почти родственники!

Трапезников. Астрахань.

03.06.05

Мы удивились разному описанию по-русски и по-английски о Троцком и о холодной войне.

[Подпись неразборчива]

22.06.05

Потрясена масштабами выставки, «объясняющей необъяснимое». Представленные экспонаты исчерпывающе отражают историю отношений двух стран, а надписи к ним четки и информативны.

С детства знакомы имена легендарных исследователей Нансена, Амундсена, Хейердала, а рядом — бережно сохраненная одежда советского военнопленного и крест с кладбища вблизи Киркенеса.

Огромная благодарность организаторам и устроителям выставки с обеих сторон, и норвежской, и русской, проделавших колоссальную работу с любовью.

Выпускница филфака ЛГУ 1964 г. Соколова И.П.